

Ху Тянь применил технику Тысячефутового падения, стараясь как можно быстрее снизиться, чтобы настичь Шань Жун. Однако он с отчаянием понял, что это бесполезно. Как бы он ни ускорялся, Шань Жун, находившийся всего в паре локтей под ним, неизменно сохранял ту же дистанцию.

Они словно застыли в пространстве: вечно рядом, но разделенные непреодолимой пропастью, словно небо и земля.

Ху Тянь вспомнил ту историю, которую рассказал ему лже-Шань Жун, вернувшись в клан. Тот уверял, что после падения со скалы уцелел лишь благодаря реке, протекавшей внизу. Но когда Ху Тянь сам отправился к тому месту, чтобы выследить и отомстить тем самым мерзким даосам, он с ужасом осознал: это вовсе не обычный обрыв. Перед ним была Бездна Ничто Наньшаня — место, откуда испокон веков никто не возвращался.

Здесь, стоило сделать лишь шаг за край, как ни бессмертный, ни демон уже не могли выбраться живыми. Глубина была затянута слоями тяжелого черного тумана, скрывающего дно, а внутри бездны любая магическая сила превращалась в ничто. Никто не знал, когда возникла эта пустота. Старейшины передавали легенды о ней из поколения в поколение, предостерегая потомков.

Именно тогда Ху Тянь понял: его Шань Жун не менялся. Тот, кто вернулся, с самого начала был не им. Вероятно, он намеренно рассказал ту ложь, чтобы Ху Тянь узнал правду.

Ху Тянь понимал, что это ловушка, бесконечная череда западней. Но что поделать? Даже осознавая это, он был готов добровольно позволить Шань Жуну заточить себя в этой тюрьме.

Через эти два локтя разделяющего их пространства они смотрели друг на друга. Ху Тянь не знал, почему Шань Жун улыбается так ярко, но решил, что так даже лучше. Ведь теперь они смогут быть вместе вечно. Что такое смерть? Что значит распад души? Какое ему, Ху Тяню, до этого дело?

Он смотрел, как из глубины бездны к ним поднимаются миллионы черных теней. Эти твари, пропитанные демонической и иньской ци, источали черный туман — ни демоны, ни призраки, сущее зло! Ху Тянь улыбнулся. Вот оно что. И на сердце стало легче: хорошо, что он здесь, рядом с Шань Жун. Иначе он не смел даже представить, как мучительно было Шань Жуну в прошлый раз, когда он остался один на один с этими тварями.

— Мое сокровище, не бойся!

Шань Жун, казалось, не услышал слов утешения, продолжая сиять своей неизменной улыбкой. В тот момент, когда наполненная черной ци когтистая лапа потянулась к его телу, Шань Жун, не сводя глаз с лица Ху Тяня, произнес:

— Ху Тянь, смотри внимательно. Запомни мою боль, мои раны. А потом отомсти за меня! Найди

всех их и отомсти!

С этими словами Шань Жун наконец сбросил маску спокойствия, обнажив глубокую, разъедающую ненависть. Едва он закончил, как Ху Тянь увидел, как острые клыки вырвали кусок плоти из плеча Шань Жуна. Ху Тяню показалось, что каждое движение твари, пожирающей тело и душу его возлюбленного, растягивалось во времени до бесконечности.

Черная, как смоль, тварь, у которой не было ничего, кроме пасти, вдруг окрасилась в иной цвет. Небо залило алой кровью, и Ху Тянь застыл, глядя, как она расползается по бескрайней пустоте. Он не понимал, почему его тело замерло на месте, не в силах приблизиться ни на шаг. Между ним и ужасом, творящимся с Шань Жуном, словно пролегла невидимая преграда. Один шаг — и ты демон, другой — и ты святой.

Бесчисленные голодные существа, почуяв кровь, с новой яростью набросились на хрупкое тело. Роскошный парчовый халат Шань Жуна резал глаза, а под ним открывалось изувеченное тело и прозрачная, едва живая душа. При виде истинного облика души Шань Жуна Ху Тянь оцепенел, а затем его захлестнула ярость.

В ушах звенели крики боли, переходящие в рыдания. Шань Жун плакал, выкрикивая его имя:

— Ху Тянь, Ху Тянь! Спаси меня! Мне больно, Ху Тянь, мне так больно!

Наконец, когда его глаза остекленели, а тело содрогнулось в последней конвульсии, раздался пронзительный крик, полный отчаяния и горькой насмешки: — Ху Тянь!

Ху Тянь видел всё. Когда всё стихло и твари, насытившись, ушли, унеся последние крохи души, в руках у Ху Тяня остался лишь скелет, покрытый ошметками плоти.

Ху Тянь чувствовал, как холод пробирает его до самых костей. Когда пустой скелет медленно поднялся в воздухе и оказался перед ним, Ху Тянь с безмолвным взглядом склонил голову. Он осторожно, почти бережно прижал его к себе и, дрожащими губами коснулся того места, где раньше были мягкие и сладкие губы Шань Жуна.

На краю обрыва даосы, решив подождать, переговаривались между собой: если эти двое уцелели, это нанесет удар по их репутации.

— А-а! — внезапно из бездны донесся леденящий душу рев. Это был крик ярости и ненависти Ху Тяня.

Мощная волна демонической силы ударила снизу, заставив даосов пошатнуться. Один из них упал, и, вскочив, в ужасе попятился назад, забыв о своих спутниках, намереваясь бежать. Но вдруг он обнаружил, что его нога словно приросла к земле — кто-то зафиксировал его магией.

Даос затрясся, чувствуя, как невидимая сила тянет его назад. В следующее мгновение чья-то рука сжала его горло. Лицо даоса побагровело, он хватал ртом воздух, но задыхался. Последним, что он увидел, было хмурое небо и вспышки молний в черных тучах.

Остальные даосы, увидев, как легко расправились с их товарищем, а затем его тело швырнули в бездну, застыли от страха. Ху Тянь стал пугающим: его лицо исказилось, вены вздулись, а вместо глаз теперь зияли две холодные кровавые зрачки.

— Говорите, почему вы преследовали его! — прорычал он.

Один из даосов нашелся:

— Это лисица внезапно появилась перед нами! Мы даосы, изгонять демонов — наш долг!

Ху Тянь лишь рассмеялся, и в его глазах вспыхнуло еще больше крови. Он схватил еще одного даоса и на глазах у остальных свернул ему шею, выбросив тело прочь.

— Не сейчас, в прошлый раз! — выкрикнул он.

Даос, который говорил первым, дрожал всем телом:

— Мы... мы преследовали редкую черную лису, но она исчезла, и мы случайно наткнулись на эту рыжую...

Ху Тянь оскалился, неясно — смеется он или нет.

— Точно черная лиса? — уточнил он.

Оставшиеся в живых даосы закивали. Ху Тянь улыбнулся еще шире, обнажив белые зубы.

— Вот оно что. Тогда отправляйтесь к праотцам!

Движение было молниеносным. Прежде чем даосы успели оказать сопротивление, Ху Тянь взмахнул рукой, и их сбросило в Бездну Ничто. Он хотел, чтобы они испытали тот же страх, ту же муку ожидания неизбежной смерти в пасти чудовищ.

Ху Тянь начал смеяться, и этот смех быстро перерос в безумный хохот, сотрясавший его грудь.

— Глава... Глава клана, беда! — вбежал в дом запыхавшийся ученик.

Глава клана нахмурился:

— Что за шум? Неподобающе!

Но ученик, дрожа, вцепился в его одежду:

— Ху Тянь... Ху Тянь сошел с ума!

Глава клана, который только что был готов наказать его за дерзость, при этих словах широко раскрыл глаза.

— Что ты сказал?

Остальные старейшины вышли из комнаты.

— Он сошел с ума, он убил всех наших учеников, которых встретил по пути! — выкрикнул юноша, на одежде которого виднелись пятна крови.

Когда смысл сказанного дошел до присутствующих, они замерли в недоумении.

— Как такое возможно... — пробормотал глава.

— Почему невозможно? — раздался голос Ху Тяня, который уже парил в воздухе перед ними. — Старик, ты помнишь, что обещал мне?

Ху Тянь всегда называл его так, но теперь в его голосе не было ни капли уважения, словно он говорил с бездушным предметом.

Глава клана нахмурился:

— Ху Тянь, как ты смеешь говорить со мной в таком тоне?

Ху Тянь не ответил. Его лицо было бесстрастным, но внутри кипело недовольство.

— Может, ты забыл, но я помню каждое слово. Когда я уходил с Шань Жуном, ты поклялся, что клан Лисиц больше никогда не причинит ему вреда. Помнишь?

Старик побледнел. Он ненавидел этого полукровка больше всего на свете. Конечно, он помнил. Это было условием, на котором Ху Тянь согласился стать следующим главой клана.

— Конечно, помню, — ответил старик, глядя прямо в глаза Ху Тяню. — И с тех пор мы его не трогали, разве не так?

Ху Тянь смотрел на него, медленно поглаживая очищенный добела череп Шань Жуна, который он держал в руках. Глава клана заметил это, и в его глазах на мгновение промелькнуло осознание, которое он тут же попытался скрыть. Но Ху Тянь не пропустил этого.

Он тихо рассмеялся, поглаживая кости:

— Вот оно что. Я знал. Мое сокровище никогда не лгало мне. Лгали другие.

Ху Тянь поднял взгляд на старика:

— Посмотри на себя. Ты можешь вступить на путь демонов, и дороги назад не будет. Иди внутрь, пусть старейшины помогут тебе, — сказал глава, разворачиваясь, чтобы уйти.

Но внезапно на него обрушилось колоссальное давление. Бывший мастер, чьи силы были истощены, повалился на землю, извергая черную кровь. Он пытался повернуть голову, не веря, что Ху Тянь, который всегда уважал его, несмотря ни на что, решился поднять на него руку.

Старейшины бросились на защиту, но их техники разбились о мощь Ху Тяня.

— Ты хоть понимаешь, что делаешь? — вскричал один из них. — Ты что, окончательно обезумел?

<http://bllate.org/book/22153/2307671>